

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ, скульптор:

Пусть меня воспринимают как сумасшедшего

Известия - 2003 - 29 авг. - с. 1-2

Вчера в Кемерове на берегу реки Томь был открыт 7-метровый монумент «Память шахтерам Кузбасса» работы Эрнста Неизвестного. Знаменитый скульптор, прилетевший в Кемерово накануне, передал его Кузбассу в дар. Торс шахтера, в груди которого горит огонь, установлен на постаменте из черного гранита. Монумент, освещенный специальной подсветкой, будет виден с другого берега реки, где расположена основная часть города. Несмотря на дальний перелет и тридцать часов без сна, Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ ответил на вопросы собственного корреспондента «Известий» Ирины СЕРБИНОЙ.

— Почему решено установить памятник именно здесь?

— Существует декоративная скульптура, но существует и скульптура, которая претендует на некоторую форму ритуальности. Она должна быть выведена из повседневности и поставлена так, чтобы организовать пространство, которое могло бы создавать обособленность и ритуальность. На эту гору надо подниматься, надо переживать не только искусство, но и само физиологическое движение к нему. Поставить такую скульптуру у театра будет неправильно — пространство должно быть просторным, пейзаж вокруг создает ту претензию, которая была заложена в первооснове.

— Сколько времени вы посвятили этой работе?

— Недолго. У меня есть примеры долгой работы — над монументами жертвам сталинизма я работал с 1953 года, и даже раньше у меня были готовы эскизы — еще при жизни Сталина. В данном случае работа произошла быстро, потому что у меня уже были наработаны визуальные элементы, которые вошли сюда: торс гиганта, торс Прометея, торс ангела. Этот шахтер по существу — шахтерский ангел, хотя он об-

ладает всеми физическими признаками человека.

— Местные власти подсказывали вам, каким именно должен быть памятник?

— Я отправил первичный эскиз и сразу принял решение: если начнутся обсуждения и советы, я откажусь от работы. Самый большой враг художника — советчик, даже добродушный. Он лишает художника воли. В данном случае этого не произошло, потому что мне поверили, не приглашали коммунаров, пионеров, домработниц, сельхозработников, чтобы они учили меня лепить. Их бы я еще послушал, но ведь от их имени говорят чиновники или неудачники в искусстве. Представьте себе Сикстинскую капеллу, которой бы руководил хор провинциальных итальянских художников! Так было в советское время. Поэтому в советском искусстве было так много балласта. Это было коллективное творчество, но не коллективное творчество народа, а коллективное творчество бюрократов от искусства.

— Почему вы все же согласились сделать этот монумент?

— Когда ко мне обратились с просьбой сделать «Память шахте-

рам Кузбасса», у меня были опасения, что от меня будут требовать некоторой формы апологетики. И я боялся, что не смогу взяться за этот проект, поскольку он не будет соответствовать моим профессиональным и человеческим убеждениям. Но когда мы встретились с губернатором Тулеевым и начали разговаривать на эту тему, он вдруг прервал меня и сказал: «Эрнст, я прошу вас запомнить, что в каждой лампочке, которая горит, находится капля крови шахтера». И это сразу решило проблему, потому что моментально у меня родилась идея, ключ к тому, что я сделал, идейный и эстетический. И это меня освободило, потому что я никогда не принадлежал к ниспровергателям. Меня часто называют диссидентом, но в действительности у меня было желание работать, а не изменять. Мой протест в советское время был чисто человеческим — протест против насилия над моей личностью. Я хотел работать хорошо, а меня заставляли работать плохо. Поэтому у меня к некоторым явлениям того периода свое отношение. Было много фальши, подлости, халтуры, но были и произведения, которые станут достоянием истории. И мне всегда хотелось соединить некий исторический период, например период войны с ее песнями, героикой, с моими представлениями об искусстве XX века. Этот монумент, если рассматривать его с позиции эстетической, и является попыткой синтеза прошлого и сегодняшнего. Поэтому я с большим удовольствием работал.

(Окончание на 2-й стр.)

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ, скульптор:

Пусть меня воспринимают как сумасшедшего

Известия - 2003 - 29 авг. - с. 2-2

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Можно ли говорить о том, что этот монумент создан по социальному заказу?

— Проблема социального заказа в искусствоведении советском и постсоветском не разрешена. Практически любой церковный заказ, монументальный заказ всегда на перекрестке эстетики, личной свободы художника и социума. В советской культуре в действительности был не социальный заказ, а сугубо политический, потому что советская культура отсекала у искусства его эзотерическую, духовную часть. Искусство не могло уместиться в эти рамки, потому что оно выходит за пределы

чисто пропагандистских и ежесекундных задач. Тем паче скульптура такого сорта, которая делается иногда десятилетиями, политика же меняется очень быстро. Политики в России — и советские, и антисоветские — всегда присваивали себе право оценивать духовную жизнь, которая выходила за рамки политического момента. Было полное непонимание, что культура в принципе выходит за эти узкие рамки. А сегодня я просто благодарен судьбе, что меня воспринимают в определенном смысле как государственного сумасшедшего, которому можно, понимаете? Я бы никогда не смирился ни с каким заказом, который загоняет меня в стойло какой-либо партии

или сиюминутного политического безобразия.

— Однако несколько месяцев назад в Кемеровском музее образительных искусств была выставлена ваша картина, переданная в дар области. Ее называют портретом Амана Тулеева. Можно ли говорить о ней как о портрете и единственный ли это факт вашего интереса к современному российскому политикам?

— Да, можно сказать: это портрет. Так это было растолковано моими друзьями, хотя он написан 20 лет назад. В искусстве XX века в связи с развитием фотографии портрет перестал носить тот ико-

нографический характер, который был раньше, то есть некоторую форму документальности. Не ссылаясь на авторитеты, скажу, что огромное количество портретов Пикассо (портрет Сталина, к примеру) является не иконографическим, а энергетическим ощущением этого человека. Я в принципе не портретист, но когда социальная или культурная фигура является символической, я выхожу и на этот жанр — как мои надгробия Хрущеву, Ландау, Светлову, как мой портрет Шостаковича. Это знаковые фигуры, поэтому я не был загнан в рамки иконографического портрета.

— Насколько ваша работа для Кемеровской области

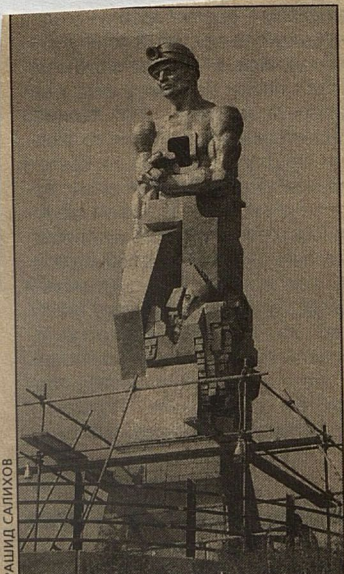
исключительна? Есть ли намерение участвовать в подобных проектах в других регионах?

— Сейчас я не могу ничего сказать о будущем, потому что пока это не оформлено юридически, я просто не имею права говорить. Вдруг это сорвется... Предложения есть, достаточно много.

— Эрнст Иосифович, действительно ли вы намерены создать скульптуру президента Туркмении Сапармурата Ниязова? Несколько месяцев назад об этом было широко объявлено.

— Нет. Этого произойти не может.

Кемерово

27 августа. Кемерово. Монумент «Память шахтерам Кузбасса» работы Эрнста Неизвестного